

На правах рукописи

Ершова Ирина Викторовна

СКАЗАНИЕ О СИДЕ В ИСПАНСКОМ ЭПОСЕ
И ИСТОРИОГРАФИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ.
СТРУКТУРА И ЭВОЛЮЦИЯ ЭПИЧЕСКОГО СЮЖЕТА

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(литература Европы)

Автореферат диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Москва
2018

Работа выполнена в Лаборатории историко-культурных исследований Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук ФГБОУ ВО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Официальные оппоненты

Багно Всеволод Евгеньевич, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, научный руководитель

Лучицкая Светлана Игоревна, доктор исторических наук, Отдел исторической антропологии и истории повседневности, Институт всеобщей истории РАН, ведущий научный сотрудник, Центр исторической антропологии, руководитель

Успенский Федор Борисович, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт славяноведения РАН, заместитель директора Института по научной работе (филологические отделы), Центр славяно-германских исследований, руководитель

Ведущая организация

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Защита состоится 9 октября 2018 года в 15.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.209.01 по филологическим наукам при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН, по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте www.imli.ru > Научная жизнь > диссертационные советы > Д 002.209.01.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2018 года

Учёный секретарь
диссертационного совета
к.ф.н.

Протопопова
Анна Викторовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В центре исследования – испанский героический эпос «Песнь о моем Сиде», а также латинские и старокастильские историографические памятники, анализ которых позволит рассмотреть на примере сказания об испанском эпическом герое процесс бытования эпического сюжета внутри средневековой культуры, его развитие и трансформацию при переходе из одного жанра в другой. Сказание о Сиде в своей четырехвековой эволюции дает для такого рода изысканий уникальный материал. Объектом анализа в данной диссертации будет первичный этап складывания сюжета. Границей послужат версии «Истории Испании» Альфонсо X Мудрого, сложенные в XIII веке; дальнейшая история эволюции сюжета связана с традицией других жанров – испанского романса и романизированной хроники, что требует поиска иных методов анализа.

Начало сказанию, по-видимому, кладет устная песнь о герое, чей реальный прототип – Родриго Диас де Бивар, по прозвищу Сид Кампеадор – буквально спустя несколько десятилетий после смерти стал героем эпических и исторических преданий; на данный момент разногласий по поводу генезиса «Песни о моем Сиде» почти нет. А вот в том, что происходит дальше, противоречий и неясностей очень много. Одни считают, что сначала имеет место фаза устного бытования поэмы, а затем, когда текст записали впервые, следует его письменная история, результатом которой и является известный нам текст поэмы (текст редактируется, дописывается). Другие полагают, что основная часть сюжета, как и окончательный облик поэмы, складывается литературным образом, что не отменяет устной основы и продолжающегося устного исполнения поэмы. Третьи убеждены в том, что «Песнь о Сиде» складывается на протяжении полувека в устной традиции, а затем в какой-то момент записывается, но окончательное оформление сюжета песни и того ее варианта, который знаем мы, происходило преимущественно внутри устной традиции. Всегда были и те, кто полагал, что поэма изначально принадлежит перу индивидуального автора, знакомого с латинскими рассказами и монастырской легендой о герое, а приметы

устности не связаны со сложением песни¹. Споры о происхождении поэмы усилены многочисленными отступлениями текста поэмы от канонов эпического жанра, особенно удобно это объяснение для всех, кто склоняется в сторону «литературности» поэмы. Множество предлагаемых жанровых номинаций от «*biografía novelada o eroreyizada*» (Л. Шпитцер) до «*una eroreya nueva*» (Ф. Рико, А. Дейермонд) призвано, как кажется, защитить памятник от ревнителей чистой эпики и объяснить странную неоднородность поэмы, но даже признание «Песни о моем Сиде» эпосом не решает всех споров: испанский памятник в таком случае начинают вписывать в традицию латинского литературного эпоса. Среди многих спорных проблем наименее решенным остается вопрос жанровой природы «Песни о моем Сиде».

Признание априорной литературности «Песни о Сиде» оказывается как раз тем положением, которое вызывает наибольшие сомнения, поскольку героический эпос и литературный эпос – понятия хотя и связанные друг с другом, но не тождественные. Главные отличия заключены в том, как складывается героический эпос и какими способами его необходимо исследовать (очень важным кажется настойчивое напоминание Р.О. Якобсона, П.Г. Богатырева и С.Ю. Неклюдова о принципиальном отличии способов анализа поэтики фольклорного и литературного текста, а также эстетических критериев оценки текста, меры или природы его «художественности»). Менее всего единственная сохранившаяся испанская «песнь о деяниях» изучена как раз сквозь призму типологии эпоса, с точки зрения тех эпических констант, которые роднят между собой многие памятники древности и средневековья и которые могут быть реконструированы и представлены в виде инвариантной сюжетно-мотивной структуры и определенного набора типических сцен и мест, традиционных стилистических и повествовательных приемов.

---

¹ Теория монастырского авторства «Песни о моем Сиде» впервые появилась еще в 80-х гг. XIX в. (Ж. Корню и Р. Беер). К. Смит полагал, что рождение сказания о Сиде связано с посмертным культом героя в монастыре Сан Педро де Карденья и устными легендами о нем.

Объект исследования в данной диссертации – испанский героический эпос «Песнь о моем Сиде» и сказание о Родриго Диасе де Биваре (Сиде Кампеадоре) в латинской и романской историографии XII-XIII вв.

Предмет исследования – механизм сюжетосложения в испанском героическом эпосе («Песнь о моем Сиде») и его соотнесение с принципами фольклорного эпического сюжетосложения; эволюция сказания о Сиде в испанских, латинских и романских хрониках и историях.

Цель диссертации – определить основные принципы сюжетосложения в испанском героическом эпосе, а также проследить процесс сложения и эволюции средневекового сказания об испанском герое в устной и письменной традиции XII-XIV вв. На основании этого предполагается предложить наиболее адекватный способ реконструкции материала устных эпических песен в историографическом тексте.

Вытекающие отсюда **задачи диссертации** можно сформулировать следующим образом:

– проанализировать сюжетно-мотивную структуру «Песни о моем Сиде», исходя из инвариантной модели эпического сюжета, характерной для многих памятников архаического и классического эпоса, и тем самым уточнить жанровую принадлежность памятника;

– выделить способ сочетания сюжетобразующих и вспомогательных мотивов, а также репертуар типических сцен и мест в сюжетно-повествовательной структуре «Песни о моем Сиде»;

– вычленить устойчивые сюжетно-мотивные комплексы, характерные для испанской эпической традиции;

– проследить процесс складывания сказания о Сиде Кампеадоре в историографических текстах XII-XIII вв.; уточнить возможный характер источников и хронологическую последовательность текстов;

– исследовать механизм адаптации, достраивания и трансформации эпического сюжета в хроникальных переложениях (на примере прозаического переложения «Песни о моем Сиде»).

Рассмотрение «Песни о моем Сиде» в контексте иных жанров средневековой словесности (в нашем случае речь пойдет о жизнеописаниях, хрониках и историях на латинском и кастильском языках) позволит более четко очертить жанровые границы испанского эпоса, выделить принципы собственно эпической техники сюжетосложения и повествования, а также уточнить понятие «эпического сюжета» и его составляющих, проследить механизмы его становления и функционирования. При этом в поле нашего исследования неминуемо попадут и другие спорные вопросы, касающиеся «Песни», но не являющиеся непосредственной целью работы: проблема авторства, проблема создания поэмы (единовременно или поэтапно) и другие.

Источники:

«Песнь моем Сиде» (*Cantar de mio Cid*, 1200-1207), единственный список в копии XIV в.

«История Родерика» (лат. *Historia Roderici*, другое название – *Gesta Roderici Campidoctoris*, 1144? или 1190?)

«Песнь о Кампеадоре» (лат. *Carmen Campidoctoris*, 1190).

«Нахерская Хроника» (лат. *Chronica Naierensis*, 1160? или 1180-90?).

«Родословная Родриго Диаса» (нав.-ар. *Linaje de Rodric Díaz*, 1195).

«Всемирная хроника» Луки Туйского (Luca de Tui, *Chronicon mundi*, лат. 1236).

«О делах испанских» Родриго Хименеса де Рада, архиепископа Толедского (Rodrigo Jiménez de Rada, arzobispo de Toledo, *De rebus Hispaniae*, лат., 1243).

«История Испании» Альфонсо X Мудрого (Alfonso X El Sabio, *Estoria de España*, 1270-1284). Мы используем две версии истории: 1. «Первую всеобщую хронику», изданную по королевским рукописям Эскориала *E₁* и *E₂*, в которой часть от Пролога до главы 616 представляет собой «королевскую версию» (*versión regia*, 1274); а главы 813-962 – «расширенную редакцию» (*versión amplificada*), созданную Санчо IV на основе материалов, собранных в скриптории Альфонса X. 2. «Хронику двадцати королей» (*Crónica de veinte reyes*, MS Ss), которая

сохранила «критическую редакцию» (version crítica) «Истории Испании» 1284 г., собранную под наблюдением Альфонсо X.

Актуальность диссертации обусловлена соответствием научной проблематики работы основным современным тенденциям исследования средневекового эпоса: соотношение проблемы фольклорности/книжности, устности/письменности сохранившихся книжных памятников. В случае с «Песнью о моем Сиде» ситуация осложняется тем, что в качестве героя поэмы выступает реальный исторический персонаж, а также традиционными упреками в отступлении от традиционной эпики. Очевидная актуальность исследования прозаических и поэтических текстов, содержащих рассказ о Сиде, объясняется также пересмотром датировки почти всех историографических памятников XII столетия, что позволяет предложить иной характер связи текстов между собой и другие взаимоотношения хроникальной литературы и фольклорной традиции песен о Сиде Кампеадоре, что позволяет в целом пересмотреть эволюцию эпического сказания о Сиде в XII-XIII вв.

Проблема соответствия или несоответствия «Песни о моем Сиде» общей эпической модели требует планомерного и развернутого анализа сюжетно-мотивной структуры испанского памятника сквозь призму эпических констант, которое так и не было осуществлено в полной мере до сего дня ни в зарубежном, ни в отечественном литературоведении, что объясняет малую **разработанность данной темы** при всей многочисленности сидоведческих работ последнего столетия. В отечественной науке библиография работ о «Песни о моем Сиде» исчерпывается главами самого общего характера в нескольких историях литератур и учебных пособиях, а также несколькими переводными статьями Р. Менендеса Пидалья, отражающими устаревшую стадию научного толкования песни. К сожалению, вне поля зрения исследователей остается и обширная хроникальная литература Испании XIII-XV вв. В поле зрения отечественных исследователей попали в основном те хроникальные тексты, которые оказались связаны с рыцарской литературой (В. Е. Багно, С. И. Пискунова, М. А. Абрамова, М. Л. Андреев).

В своих методологических основаниях диссертация опирается на результаты развития отечественного сравнительного-типологического эпосоведения и фольклористики (А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский, Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, П. А. Гринцер, Б. Н. Путилов), а также разработки в области эпического сюжетосложения (В.М. Жирмунский, Е.М.Мелетинский, Б.Н.Путилов, С.Ю.Неклюдов). Применяемые структурные методы анализа эпического сюжета позволяют вычленить закономерности во взаимосвязи категорий сюжет-мотив-повествование в средневековом героическом эпосе. Предложенный подход также отвечает принципам исторической поэтики, изучающей проблемы эволюции сюжета и жанра (А.Н.Веселовский). Анализ бытования эпического сюжета о Сиде в историографии проводится в рамках междисциплинарного подхода, заключающегося в изучении хроникального нарратива методами филологии и фольклористики с учетом историко-культурного контекста эпохи. Чрезвычайно важными для нас являются рассуждения о методологии исторической реконструкции фольклорного текста в работах С.Ю.Неклюдова по палеофольклору (общую проблематику проблемы реконструкции см. [Неклюдов 2006]). Основанием для такой реконструкции в нашем случае становятся представления об поэтике героического эпоса и, шире, повествовательного фольклора, данные собственно испанской эпической традиции (включая испанские старые романсы) и общефольклорный сюжетно-мотивный фонд.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в работе впервые описана сюжетно-мотивная структура «Песни о моем Сиде» с точки зрения устно-фольклорных закономерностей сюжетики героического эпоса. Впервые предпринята планомерная попытка анализа историографических рассказов о Сиде Кампеадоре с применением к исследуемому тексту принципов сюжетосложения устного героического эпоса. Данное исследование также восполняет очевидную лакуну в отечественной науке и представляет собой первое комплексное исследование фольклорных, литературных и историографических источников XII-XIII вв., описывающих эпико-легендарную биографию испанского героя.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сохранившиеся большие формы средневекового героического эпоса позволяют, на наш взгляд, вычленить единую *модель эпического сюжета*, схема которой может быть обнаружена в любом отдельном произведении, имеющем отношение к средневековой эпической традиции. В схематическом виде *модель эпического сюжета* включает в себя ряд сюжетообразующих мотивов, которые образуют устойчивую последовательность из нескольких элементов: 1. героическая коллизия (причина, побуждающая героя к деянию); 2. путь к деянию (выбираемый способ пространственного перемещения, соответствующий характеру деяния); 3) испытание/претерпевание/препятствие; 4) героическое деяние; 5) последствия деяния.

2. Сюжетосложение в «Песни о моем Сиде» соответствует выделенной *модели эпического сюжета* устного героического эпоса. Базовые сюжетообразующие мотивы, реализующие историко-легендарный сюжет, соотносятся с общим фольклорным фондом и носят отчетливо эпический характер. Сюжетная структура «Песни о моем Сиде» основана на заданной последовательности сюжетообразующих мотивов, каждый из которых разворачивается в устойчивый мотивный комплекс, что является характерным признаком сюжетосложения фольклорного типа.

3. Модель эпического сюжета и способ ее реализации могут быть релевантны для изучения дальнейшего существования эпического сюжета в письменной традиции средневековья, в частности, в историографии. Предлагаемый метод реконструкции устных эпических источников в латинской и старокастильской историографии основан на идентификации сюжетно-мотивных структур, свойственных устному героическому эпосу (заданная сюжетная последовательность событий и наличие устойчивых мотивных комплексов, разворачивающих базовые сюжетообразующие мотивы).

4. При параллельном сосуществовании устных сказаний о герое и книжных вариантов исторической биографии доминантной для эволюции сказания

становится устная эпическая традиция, где и происходит основное достраивание «героической биографии».

5. Латинская историография XII в., развивая сказание о Родриго Кампеадоре, в конструировании биографии героя исходит преимущественно из устной эпической судьбы Сиды. Главным итогом ее развития становится присоединение к сюжету об изгнании сюжета о юношеской службе Родриго королю Санчо II Кастильскому.

6. Старокастильские хроники XIII в. продолжают эволюцию эпического сказания о Сиде также с опорой на традицию эпических *cantar de gesta*. Предлагаемая реконструкция «Песни о разделе и взятии Саморы» по «Хронике двадцати королей» демонстрирует подключение к преданию о герое эпического сказания о разделе Испании и смещение начала героической биографии Родриго Диаса в эпоху царствования Фернандо I.

7. Хроникальное расширение рассказа о герое происходит за счет конкретизации уже известного материала; сокращение фольклорных источников является следствием воздействия идеологических установок хронистов. Иностранцы для эпического сюжета события не поддерживаются устной эпической традицией и постепенно редуцируются.

Теоретическое значение работы состоит в определении модели эпического сюжета для памятников классического героического эпоса и использовании данной модели для описания сюжетно-мотивной структуры испанского средневекового эпоса «Песнь о моем Сиде». Вычленяемые в историографическом тексте схемы эпического сюжета и мотивных комплексов/блоков, при помощи которых складывается эпический сюжет, позволяют не только предположить характер источника хроники, но и реконструировать сюжет перелагаемых *cantar de gesta*.

Практическая значимость. Материалы диссертации могут быть использованы для фундаментальных исследований по истории средневекового героического эпоса и проблемам эпического сюжетосложения, а также по проблеме взаимодействия устной и письменной традиции в средневековой

культуре. Полученные результаты могут быть использованы в общих курсах лекций по истории мировой литературы и культуры Средних веков, по теории эпоса; в специальных курсах по проблемам сюжета и жанра, по истории испанской литературы и истории средневековья.

Апробация диссертации. Материалы и предварительные результаты исследования были представлены в виде докладов на сессиях международного семинара «Современные проблемы компаративистики» ИФИ РГГУ (Москва, РГГУ, 2012 г.; Москва, РГГУ, 2013; Москва, РГГУ 2014 г.); на международном русско-испанском коллоквиуме «Повествование и репрезентация в литературе эпохи Сервантеса» (Москва, РГГУ, 2013 г.); на международной конференции «XXVIII congresso internazionale di linguistica e filologia romanza» (Рим, Sapienza – Università di Roma, 2016); на международных конференциях «Сервантесовские чтения», СПбГУ, ИРЛИ РАН (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2003 г.; Санкт-Петербург, СПбГУ, 2017г.; Санкт-Петербург, СПбГУ, 2018г.); на конференциях «Гаспаровские чтения» (Москва, РГГУ, 2016 г.), «Город. Власть. Феодализм.» (Москва, РАНХиГС, 2016 г.); на международной конференции «Сервантес и мировая культура» (Москва, Литературный институт, декабрь, 2016); на конференции «V Даниловские чтения. Античность – Средневековье – Ренессанс. Искусство и культура» (Москва, РГГУ, 2017 г.); на международной конференции «Переводы классики: старые и / или новые» (Москва, РАНХиГС, 2018 г.).

По материалам диссертации были прочитаны научные доклады на заседании кафедры сравнительной истории литератур Российского государственного гуманитарного университета (Москва, РГГУ, 2016 г.); на Медиевистическом семинаре в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете (Москва, ПСТГУ, 2017 г.); в исследовательском семинаре ШАГИ РАНХиГС (Москва, 2017; 2018 г.). Материалы исследования были обсуждены на заседании лаборатории историко-литературных исследований Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС (Москва, ШАГИ, 2017 г., 2018г.).

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка. Первая глава, посвященная анализу «Песни о моем Сиде», включает кроме того теоретический раздел (уточняющий понятия сюжета, мотива и повествования применительно к фольклорному героическому эпосу), а также обзор научной истории изучения единственного сохранившегося памятника испанского героического эпоса. Две главы, посвященные историографическим свидетельствам бытования и эволюции сказания о Сиде, разделены между собой как по хронологическому, так и по языковому принципу: латинская историография XII-XIII (содержательно и хронологически к ней близка латинская поэма-панегирик и короткая наварро-арагонская «Родословная Родриго Диаса») и старокастильские истории, складывающиеся в скриптории Альфонсо X.

Верхней границей материала, изучаемого в диссертации, оказывается начало XIV в., а точнее 1313 г., которым датируют «Хронику Кастилии», где появляется развернутый рассказ о детских и юношеских подвигах Родриго Диаса, ставший началом нового витка фольклорного бытования образа Сида.

Во **введении** осмысливается основная проблематика диссертации, определяется научная новизна и актуальность работы, излагаются основные методологические принципы исследования. Анализ сюжетно-мотивной структуры памятника с точки зрения поэтики героического эпоса позволит: а) исследовать «Песнь о моем Сиде» с точки зрения ее эпического генезиса, т.е. не просто распознать устный/письменный характер стилистики сохранившегося текста песни, но уточнить механизм его сложения – эпически-фольклорный или эпически-книжный; б) уточнить характер и меру трансформации реально-исторического материала в процессе формирования эпического сказания о герое; в) вычленил постоянный и устойчивый набор сюжетно-мотивных блоков, характерный для испанской эпической традиции; г) понять, что является основным жанроопределяющим признаком эпоса – логика сюжетного или нарративного развертывания.

Научная проблематика диссертационного исследования вращается вокруг трех тем: 1) проблема устности/письменности в процессе формирования и

бытования эпического сюжета; 2) проблема вычленения устойчивой структуры эпического сюжета и сюжетно-повествовательных законов сложения эпического текста; 3) проблема эволюции эпического сказания. Все три темы имеют между собой, по крайней мере, одну точку схождения – это вопрос разграничения, идентификации и взаимодействия письменных и устных следов в тех памятниках средневековья, которые сохранились и дошли до нашего времени.

Во введении также обосновывается необходимость междисциплинарного подхода к проблеме, в частности, привлечения фольклористических и филологических методов анализа к исследованию исторического нарратива. С их помощью можно не только выявить области пересечения устности и письменности, но и обратиться к проблеме реконструкции (или возможности такой реконструкции) устных эпических источников в средневековых текстах. Испанские хроникальные прозификации (*prosificación* – устойчивый в испанистике термин, предложенный Р. Менендесом Пидалем) тщательно исследованы на историческое соответствие и идеологическую трансформацию, фактическую точность и стилистические особенности. Единственным подходом, оставшимся почти целиком невостребованным испанистикой, остался взгляд на хроникальные переложения сквозь призму поэтики героического эпоса и повествовательного фольклора в целом. Именно такой взгляд и станет методологическим основанием той части моей работы, которая посвящена анализу историографических сведений о Сиде Кампеадоре. Хотя сам факт прозификаций не вызывает никаких сомнений (главное подтверждение тому прозаическое изложение «Песни о моем Сиде»), вопросом непрекращающейся научной дискуссии остается характер пересказываемых источников, их устный или литературный статус, границы и объем несохранившихся в поэтической форме *santares*. В каждом конкретном случае, как с той же «Песнью о Сиде», остается спорным – использовался ли для каждого следующего пересказа новый вариант песни (*refundición*), или все изменения принадлежат хронистам.

Первая глава «**“Песнь о моем Сиде” и структура эпического сюжета**» состоит из шести параграфов. Предваряя анализ структуры сюжета и

повествования в поэме, в **параграфе 1.1. «Теоретическое введение»** уточняются основные рабочие термины: мотив, сюжет и повествование. Изучение проблемы научного осмысления сюжетосложения в эпосе выявляет ее наиболее спорные моменты: соотношение понятий сюжета и повествования (нарратива) как двух уровней анализа эпического текста; роль и форму мотива в сюжете и повествовании; возможность построения сюжетного инварианта и определение сферы его релевантности – уровень сюжетных типов, уровень сюжета «целого» произведения или уровень повествования; определение степени взаимозависимости сюжета и повествования.

Каждый эпический текст, создающийся в традиции, может быть исследован как на уровне *эпического сюжета*, так и на уровне эпического *повествования*. При этом сюжет – это уровень комбинации сюжетообразующих (ядерных, базовых) мотивов, которые формируют эпический рассказ о герое-воине в отдельном произведении и задают определенную последовательность сюжетных звеньев или сегментов, которые представляют собой не что иное как сложившиеся в традиции мотивные комплексы (базовый мотив плюс вспомогательные мотивы). Повествование – это уровень разворачивания сюжетных мотивов и мотивных комплексов/блоков посредством выработанных традицией типических сцен и мест. Мотив выделяется своей вычленимостью, повторяемостью внутри текста, типологической общностью внутри национальной и мировой эпической традиции.

Сохранившиеся большие формы средневекового героического эпоса позволяют вычленить типологическую *модель эпического сюжета*, схема которого может быть обнаружена в любом отдельном произведении, имеющем отношение к эпической традиции. Этот сюжетный инвариант реализуется в нескольких разновидностях, зависящих от того, какая героическая коллизия продуцирует сюжет и какого типа герой ее задает (или задается ею²). Эпический сюжет в каждой отдельно взятой эпической поэме/песни реализует одну и ту же

---

² Вопрос о первичности героя или сюжетообразующей героической коллизии, которая задает тип героя, почти неразрешим. Тип героя, как и коллизия, задаются самой традицией, ее мифологическими основаниями, ее исторической судьбой.

модель конструирования эпического сюжета, которая варьируется в зависимости от присущего данной национальной традиции базового сюжетного типа.

Модель эпического сюжета включает в себя ряд сюжетообразующих мотивов, которые образуют устойчивую последовательность из нескольких элементов: 1) *героическая коллизия (причина, побуждающая героя к деянию)*; 2) *путь к деянию (способ пространственного перемещения)*; 3) *испытание/претерпевание/препятствие*; 4) *героическое деяние*; 5) *последствия деяния*.

Сюжет всякого эпического текста может быть представлен этой комбинацией элементов, каждый из которых является сюжетопорождающим мотивом, который, в свою очередь, влечет за собой целый мотивный комплекс, приобретающий устойчивый вид в повествовательной структуре любого эпического текста в традиции. Комбинация этих элементов (или сюжетопорождающих мотивов) не произвольна всякий раз, а наоборот необычайно тверда и последовательна. Сюжет в героическом эпосе – структура не просто формальная, но и содержательная. Мотивы в сюжетной структуре эпоса не могут насаживаться на остов произвольно, у них есть заданная очередность, всякий раз разворачивающая эту неизменную схему героического эпоса, семантика которой подразумевает всегда одно и то же событие: эпический сюжет повествует о герое, который в силу определенных причин отправляется в путь, проходит ряд испытаний и совершает героическое деяние, демонстрируя свою героическую исключительность. Причем именно в такой последовательности и никак иначе. Суть героического эпоса и способ презентации ее героя – это *осуществление героического деяния*. Выход героя на героическое деяние, таким образом, оказывается и смыслом, и сюжетным ядром героического эпоса, и повествовательной схемой (что будет показано дальше).

Устойчивая и типовая модель эпического сюжета, понимаемого как содержательно-формальное единство, делает сюжет, в конечном счете, важнейшим жанроопределяющим элементом эпоса. Сюжет всегда представляет собой формально-логическую связь элементов, но если она не произвольна, а

детерминирована и устойчива, то к формальной стороне добавляется семантика, а соответственно и жанровая определенность. Многие исследователи эпоса напрямую связывают эпический сюжет со схемой «героической биографии», полагая, что биография героя и есть сюжет героического эпоса, однако представляется, что их смысловая последовательность устроена иным образом: центральной является не идея жизненного пути героя, а само совершение героического деяния, которое, как можно предположить, впоследствии проецируется на «первый подвиг героя», на характер и способ всех связанных с ним событий и ход его «героической биографии». Исходя из предполагаемой двухуровневой системы интерпретации героического эпоса – эпического сюжета и связанного с ним эпического повествования, возможно соотнести основные эпосоведческие понятия следующим образом:

Сюжет героического эпоса:

– устойчивая последовательность основных элементов (базовых сюжетобразующих мотивов), соответствующая общей *модели эпического сюжета*;

– последовательность сегментов, каждый из которых представляет собой сюжетопорождающий мотив и разворачивающий его мотивный комплекс, состоящий из вспомогательных эпических мотивов.

Основной единицей эпического сюжета является *сюжетопорождающий мотив*, вызывающий устойчивую последовательность вспомогательных или сопутствующих мотивов, которые и организуют эпическое повествование. Такой сюжетопорождающий (или сюжетобразующий) мотив также можно называть *базовым* (или *ядерным*) мотивом.

Повествование в героическом эпосе:

– последовательность типических сцен и мест, которая определяется сюжетно-мотивной структурой. *Вспомогательные* или *сопутствующие* эпические мотивы, приобретающие вид повторяющихся действий или описаний, возникают по принципу дополнительной дистрибуции, т.е. дополняют, служат материалом для расширения и сжатия как эпического сюжета, так и эпического повествования.

Типичное место или сцена также представляют собой по сути мотив или блок мотивов, однако их роль носит не сюжетный, а повествовательный характер.

Учитывая практически полное отсутствие современных отечественных исследований об испанском героическом эпосе, в **параграфе 1.2.** описана история изучения романского и испанского эпоса, в частности, за последние полтора столетия. Необходимость такого обзора объясняется тем, что под влиянием новых эпосоведческих теорий, научного прогресса (новейших способов технической обработки рукописей) и собственно законов научной логики многие из «бесспорных» положений и фактов, касающихся датировки и интерпретации романских эпических памятников, уточнены, а то и кардинально пересмотрены, придавая нашему представлению об истории формирования и бытования средневековых эпических памятников иной угол восприятия и прочтения.

В параграфе **1.3.** «**Сюжетосложение в «Песни о моем Сиде»: сюжет и мотив»** предпринят анализ сюжетной схемы «Песни о Сиде» и оценка степени ее соответствия общей *модели эпического сюжета* героического эпоса, выделенной в теоретическом введении. Анализ схемы сюжета показал, что в «Песне о моем Сиде» не только ясно выделяется типичная для эпоса сюжетная схема, но и отчетливо видно ее удвоение («двухходовая структура»). При этом сходной оказывается модификация типа сюжетного зачина («конфликт с эпическим властителем» тождествен «родовому конфликту»). Если в первой героической коллизии в преломленном виде описаны исключительно военные победы Родриго Диаса де Бивара и, прежде всего, взятие Валенсии, часть из которых имела реальную основу (хотя и значительно трансформированную), то вторая коллизия (междоусобная распря) реализуется целиком при помощи вымышленных событий, которые встраиваются в характерную для эпоса сюжетную схему. При этом значительная часть эпизодов второго «хода» по-прежнему связана с военными событиями (битвой и поединками). И даже короткий эпизод свадьбы включает в себя сообщение о свадебных состязаниях: конном забеге (победителем оказывается Сид, загнавший трех коней) и стрельбе по мишеням. Единственным инородным эпизодом и мотивом для эпического сюжета оказывается эпизод со

львом, которым разрешается смирением льва при виде героя. И хотя он тоже встраивается в серию испытаний героя, но с точки зрения эпического сюжетообразования, а также с точки зрения генезиса и функции в поэме, его присутствие избыточно и необязательно. Сюжетосложение в «Песни о моем Сиде» на уровне базовых сюжетобразующих мотивов подтверждает в полной мере характерный для эпоса принцип дублирования основных сюжетобразующих мотивов в пределах одного эпического сюжета. Также видно, что при отсутствии опоры на исторические факты для реально жившего персонажа героическая биография достраивается при помощи традиционных фольклорных мотивов. Эпическая интерпретация фольклорно-сказочных мотивов подчеркнута их «подверстыванием» под эпическую судьбу героя.

Анализ развертывания сюжетной схемы в мотивных комплексах и дальнейшей реализации ее на уровне повествования при помощи типических сцен и мест, проведенный в **параграфе 1.4 («Сюжет и повествование в “Песнь о моем Сиде”»)** и его подразделах, позволил сделать ряд выводов в **параграфе 1.6. «Сюжетная и повествовательная структура «Песни о моем Сиде»: предварительные выводы»:**

1. Сюжетосложение в «Песни о моем Сиде» отвечает основной модели сюжета героического эпоса; все события поэмы укладываются в выделенную нами 5-частную схему, каждый элемент которой основывается на базовом сюжетобразующем мотиве. Базовые мотивы соотносятся с историко-легендарным материалом и носят отчетливый эпический характер, строя сюжет и рассказ вокруг героя, который в силу возникшей героической коллизии (конфликта с королем) отправляется во вражескую землю совершать военные подвиги, захватывая добычу для содержания дружины. Этот тип подвига в «Песни о моем Сиде» является основным; его вариантом во второй части становятся поединки вассалов Сида с недругами Родриго Диаса. В отсутствие сюжетной опоры на историко-легендарный материал базовый сюжетобразующий мотив черпает мотив из сказочно-фольклорного фонда и приспособливает его к нуждам эпоса. Так происходит с мотивом красавицы,

брошенной в диком лесу, и мотивом ложного жениха, которые организуют второй «ход» сюжета, встраивая их в общеэпическую схему.

2. Следование общеэпической сюжетной модели трансформирует историко-легендарный материал сказания о Сиде Кампеадоре. Последние изыскания биографического характера окончательно убеждают в значительной степени отхода испанской эпической песни от исторического факта. Главные расхождения касаются:

– социального статуса Родриго Диаса де Бивар. Реальный персонаж принадлежал к семейству леонских магнатов из рода Флаина Муньоса (Лаина Муньоса); к знатному леонскому роду принадлежала и его кузина (одновременно и троюродная сестра короля) Химена Диас, будущая жена Родриго Кампеадора.

– обстоятельств изгнания Сиды. В реальности, как полагают все исследователи, имел место факт двойного разрыва сеньориально-вассальных отношений между Родриго Диасом и королем Альфонсо VI. Оба раза это происходило по политическим соображениям, и Родриго Кампеадор уходил с дружиной на службу мавританским эмирам Сарагосы и Лериды, что ни в коей мере не отразилось в поэме. В «Песни о моем Сиде» разрыва не происходит, герой изгнан разгневанным властителем после клеветы завистников, но продолжает считать себя вассалом короля;

– отношений с Барселонским графом. Родриго Кампеадор, находясь на службе эмира, захватил Альменар и пленил графа Рамона Барселонского (1082 г.), в этот момент связанного с противной стороной; второй раз он захватил графа в 1090 г., уже будучи полностью независимым от короля (причина второго изгнания Родриго Диаса и конфискации его имущества королем, что было возможно только при обвинении в предательстве, не ясны).

– обстоятельств взятия Валенсии: Валенсия была взята 17 июня 1094 г. в результате долгой осады без битвы, а войско Абу Бакра (Букара из «Песни о моем Сиде») не смогло прийти на помощь валенсийцам и не вступило в бой с Родриго Диасом;

– взятия мавританских городов и крепостей; Альменар и Мурвьедро были взяты Родриго Кампеадором в 1097-98 гг., сделав его властителем Леванте. Взятие Алькосера в реальности не было. В 1099 г., возможно в мае, он скончался в Валенсии;

– вся история с дочерьми Сиды и вторым замужеством является вымышленной, однако, в отличие от А. Монтанера («интрига, которую в современных терминах можно было бы описать как романную»), мы полагаем ее фольклорной по своему характеру и вполне естественной для включения в эпический сюжет.

Подлинные события жизни и военной карьеры Сиды (очевидно, последних нескольких лет) отразились в поэме с нарушением реальной хронологии и реальных причин происходящего. При этом именно «военные» части «Песни о моем Сиде» максимально близко следуют «устной» технике разворачивания эпической мотивики, применению типических мест и формул в изложении событий, что заставляет предположить уже устоявшееся существование «песни о деяниях» Сиды в устной традиции. Способ сюжетостроения является характерным для устного эпоса.

На сегодняшний день вопрос соотношения истории и эпики в «Песни о моем Сиде», отойдя, благодаря исследованиям Д. Каталана, от проверки эпоса и хроник на фактографичность, рассматривается в иной плоскости и по-разному оценивается медиевистами. Не является определяющей для понимания «Песни о моем Сиде» и историчность, понимаемая как идеология и геополитика. Социокультурный контекст очевидно указывает на ситуацию рубежа XII-XIII вв. в том, что касается усиления идеологической составляющей Реконкисты; актуальности таких категорий, как *mesura*, *ira regia*; турнирного влияния на процедуру поединков. Однако, как показывает приведенный анализ, вся основная интерпретация персонажей и событий является следствием реализации эпического сюжетосложения. Степень эпичности героической коллизии и традиционность персонажей покажет дальнейшая интерпретация сюжета о Сиде в устной традиции (романсеро).

3. Как и подобает эпическому сюжетостроению, каждый базовый мотив разворачивается в мотивные комплексы, которые повторяются в «Песни о моем Сиде» в сходных ситуациях. Эта часть сюжетной структуры «Песни о моем Сиде» кажется наиболее устойчивой. Почти все содержание поэмы укладывается в эпическую последовательность мотивных комплексов, о чем свидетельствует предложенная в **разделе 1.3.** схема. Каждый базовый мотив по сути влечет за собой единственно возможный вариант развития событий. Таким образом, связь событий в эпосе носит обязательный причинно-следственный характер и не предполагает наличие эпизодов, разнообразящих события или дополняющих их по кумулятивному принципу. Очередность событий подсказана логикой перемещения героя и прямым хронологическим следованием происходящих событий, без возвратов назад, ответвлений и забеганий вперед.

4. В сюжетно-повествовательной структуре «Песни о моем Сиде» нелогичными с точки зрения законов эпического сюжетосложения (и шире – фольклорного) выглядят несколько эпизодов: 1) эпизод с молитвой Химены (развернутая молитва Химены в церкви св. Троицы вставлена между формульными выражениями, которые обычно вводят типичную сцену молитвы перед выездом в путь; по-видимому, функция молитвы равнозначна традиционному плачу жены, провожающей героя на битву, однако нехарактерный для «Песни о моем Сиде» многократный повтор и перечень библейских сюжетов скорее свидетельствует о поздней вставке «книжного» характера; 2) эпизод с явлением во сне Сиду архангела Гавриила – уместное предсказание удачного похода, хотя и не обязательное, особенно учитывая функциональную природу смены времени суток в «Песни о моем Сиде», основная функция которой заключается в отделении одного эпизода от другого и переходе с одного места действия на другое; 3) и, наконец, эпизод со львом, выстроенный по образцу житийного «чуда».

Источниковедческие исследования считают основным источником молитвы и сна французскую эпическую поэму. Однако даже если (как и в случае с чудом) более убедительным кажется книжное происхождение, то образцом должны были

послужить именно французские *chansons de geste*, которые, в том числе после возникновения рыцарского романа в последней трети XII в., обильно включали такого рода орнаментальные эпизоды для усиления эмоциональной реакции слушателя. Помимо сюжетно-мотивной избыточности, все три эпизода нарушают привычную для испанской песни формульную структуру, метрическую устойчивость полустихий, связь мотив-формула, типическое место-формула. Все три эпизода в значительной мере разворачивают эмоциональное состояние персонажей или служат их развернутой характеристикой. Вместе с тем эпизоды встроены не механически, они связаны (хотя и с меньшей устойчивостью форм и процентом их использования) с формульной структурой основного текста. Способ обработки этих эпизодов, на наш взгляд, свидетельствует о знакомстве создателя «Песни о моем Сиде» с «устной» техникой, но с несколько иной манерой ее использования, нежели в «военных» частях испанской *cantar*. Подробный анализ сюжета «Песни о моем Сиде» позволяет предположить «двойную» руку, различимую в сохранившемся тексте: 1) основной текст, сложившийся в устной традиции; 2) и обработку его вторым автором-редактором, владеющим книжным знанием и хугларским искусством. Без сомнения, предназначенная для устного исполнения, выдающая очень тесное знакомство с традицией французских песен, редакторская версия конечного варианта, по видимому, представляет собой достроенный текст, преимущественно во второй его части (изначально содержащей свадьбу, вторую битву за Валенсию, сцену в дубовой роще Корпес и суд на кортесах). Предполагаемый редактор «Песни о моем Сиде» приспособлял свои вставки под традиционный устный способ сложения, руководствуясь при этом в качестве образца для подражания французскими *chansons de geste*. Возможно, и твердая схема поединков, сопоставимая в основных элементах с нарративной моделью поединка во французской эпике, свидетельствует в пользу этой гипотезы. Вместе с тем, эпизоды толедской встречи короля и героя, свадьбы и кортесы в значительной мере сделаны по одной модели и присутствовали изначально в более древней версии. Свидетельством «офранцузенности» «Песни о моем Сиде» может

служить периодически возникающее нарушение метрической структуры песни, что выражено в появлении строк с неравномерным соотношением первого и второго полустишия из-за увеличения числа «стянутых» конструкций, и соответствующее нарушение ритма. В этих же фрагментах появляется гораздо меньший процент формул. Процент количества слов, единожды употребляемых в «Сиде», также значительно выше во фрагменте, включающем стихи 2010-2400 – т.е. от момента выезда Сиды после примирительной встречи с королем Альфонсо, включая эпизод со львом и частично битву с Букаром.

5. Очевидный эпический характер сюжетостроения и повествовательных механизмов, выявленных при анализе поэмы, противоречит идее «литературности» «Песни о моем Сиде», на которой настаивает в своем последнем издании поэмы А. Монтанер. Если взглянуть на «Песнь о моем Сиде» с эпической точки зрения, то все три свойства, отмеченные А. Монтанером как признаки литературности – внутренняя сбалансированность, реалистичность описания сюжетных событий, выдержанность повествовательного ритма, могут считаться следствием применения как раз эпической техники сложения, где ритм задан чередованием мотивных комплексов и типических мест, а сюжетная согласованность является следствием реализации типичного для эпоса сюжетостроения и повторения в нескольких «ходах» изначальной схемы: героическая коллизия – выбор пути – испытания – героическое деяние – его последствия для героя. Правдоподобие и реалистичность касаются в основном деталей быта (в том числе праздничных нарядов и описаний добычи – коней, тканей, одежд) и вооружений, что объясняется прежде всего перформативными задачами и ориентацией на современную моменту записи публику. Все остальное в «Песни о моем Сиде» описывается эпически условным языком.

Во второй главе «Сказание о Сиде в испанской историографии XII–XIII в.: начало формирования хроникальной биографии героя» внимание сосредоточено на начальном этапе формирования сказания, когда сталкиваются и начинают взаимодействовать первые устные и письменные источники.

В параграфе 2.1. «“История Родерика”»: между эпосом и историей» исследуется «История Родерика», латинская хроника-биография деяний Родриго Кампеадора. Перемена датировки памятника почти на век требует заново поставить вопрос об источниках биографии и о ее отношениях с «Песнью о моем Сиде», заимствования которой из «Истории Родерика» представляются крайне спорными. Анализ использования эпических мотивов и мотивных комплексов в латинской биографии, роли и характеристик центральных персонажей (Родриго Кампеадора и короля Альфонсо), а также способа сцепления эпизодов и структуры отдельных сцен позволили предположить, что:

1. Латинская биография Родриго, в соответствии с особенностями хроникального жизнеописания, достраивает биографию Сиды за счет генеалогии, составленной по библейскому образцу; умножает количество описанных по одной схеме походов, битв, распрей и добавляет лаконичный рассказ о смерти Кампеадора. В дописанных хронистом начале и финале биографии героя нет лишней информации, это очень краткие и схематичные куски, составленные из клише латинской историографии. В самом общем виде основная повествовательная структура «Истории Родерика» устроена по законам хроники: последовательность событий подчинена хронологии.

2. Вместе с тем анализ сюжетосложения и повествовательной техники показывает, что источниками «Истории Родерика» можно считать как письменную традицию и документы (перечни взятых в плен соответствуют действительности и могли быть в архиве Сиды), так и устные сказания о герое. Часть событий жизни Сиды почерпнута из письменных источников (арабских и латинских); это касается службы Сиды у мавританских эмиров, его основных завоеваний, отчасти пребывания Сиды в Валенсии и краткого сообщения о смерти героя в Валенсии и захоронении его тела в монастыре Сан Педро де Карденья, близ Бургоса и Бивара. Устный след обнаруживается в использовании фольклорного мотива ссоры властителя и героя, появлении устойчивого для эпоса комплекса мотивов при центральном сюжетобразующем мотиве изгнания героя;

периодической смене повествовательного способа присоединения новых эпизодов, когда акцент делается не на событии и его мотивации, а на выезде и перемещениях героя.

3. В биографии Родриго Диаса возникает тема верной вассальной службы героя королям Санчо II и Альфонсо VI, причем отношения с двумя монархами складываются по-разному. В случае с королем Санчо Кампеадор выполняет роль помощника, советчика и защитника, своего рода правой руки короля. Его главные деяния – смелость на поле боя, выраженная в недюжинной воинской силе, и месть за убийство своего господина. Событийно речь идет о двух значимых событиях – битве при Граусе и осаде Саморы.

4. В истории взаимоотношений с Альфонсо VI Родриго Кампеадор изображен скорее как мятежный вассал, хотя историография всячески пытается заретушировать эту характеристику героя. Главным из двух изгнаний становится как раз то, которое описано в известной нам *cantar*. Второе же, никак не развернутое и ничем не подкрепленное, кажется калькой с уже существующего способа объяснений мавританских походов Сида.

5. Из событий, коррелирующих содержательно с «Песнью о моем Сиде», в «Истории Родерика» сохраняются конфликт с королем из-за навета придворных завистников, изгнание, ссора и вражда с графом Барселонским, мотив гадания по птицам, взятие Валенсии и правление в ней. Это дает достаточно оснований предположить, что автор (возможно клирик) знал устные сказания о герое (одно, связанное с королем Санчо, и второе, являющееся ранним вариантом песни о Сиде).

6. Ни одного из тех определений-характеристик, которые мы встречаем применительно к монархам в латинской историографии, в «Истории Родерика» не появляется. Вывод, который можно сделать, связан не только с последовательной героизацией предания о Сиде Кампеодоре, но и с преимущественной ориентацией хроники в описании центральных персонажей на устные сказания, где король всегда предстает своего рода антагонистом эпического героя.

7. Образ Родриго к моменту написания латинской биографии, похоже, в достаточной мере оформился в легендарную фигуру в устных сказаниях. По-видимому, к моменту написания латинской биографии уже существует устное сказание о Сиде, но оно не тождественно в полном виде «Песни о моем Сиде», это явно некая устная версия, легшая в основу и латинской биографии, и эпической песни.

8. В дальнейшем почти все эпизоды эпической биографии испанского героя в фольклорном бытовании сохранили мятежный характер героя, его конфликт с королем Альфонсо и почти со всеми королями, которые встретятся на его пути (Фернандо, Уррака и пр.).

В параграфе 2.2. «Сказание о Сиде в текстах последней трети XII в.: начало пути («Песнь о Кампеадоре», «Нахерская хроника», «Родословная Родриго Диаса»))» и ее подразделах исследуется процесс становления историографического сказания о Сиде Кампеадоре, при этом каждый из упомянутых текстов анализируется на взаимодействие с устной традицией песен о герое. Латинская «Песнь о Кампеадоре» (2.2.1. «Латинская песнь о Кампеадоре: фиксация статуса героя») не является специальным предметом анализа, однако с точки зрения формирования сказания о Сиде она дает интересный материал для рассуждений о том, как воспринимается фигура Сиды и как складывается его героическая биография в латинской словесности. К моменту создания «Истории Родерика» и «Песни о Кампеадоре» (первой из которых, по-видимому, была латинская биография Сиды) начинает постепенно формироваться линия юношеских деяний Сиды, связанных с королем Санчо II, верная служба которому станет в дальнейшей традиции явным или подспудным обоснованием враждебного отношения к Сиде короля Альфонсо. При этом очевидно, что полноценный сюжет о юном Родриго на момент последней трети XII – начала XIII вв. еще не сложился. Скорее, популярность героя вызывает к жизни как устные, так и письменные попытки соединить его фигуру с другими легендарными фигурами, тем самым достраивая его биографию. При этом в двух латинских текстах о Кампеадоре (биографии и поэме) акценты на значимых эпизодах

юности Сида расставлены по-разному: для «Истории Родерика» – это битвы при Льянтаде, Гольпехере и Саморе, хотя и не развернутые в завершённые эпизоды; для «Песни о Кампеадоре» – поединок с наваррцем, служба у Санчо II и гибель короля из-за предательства. Все эти события рассказаны в обоих текстах буквально в нескольких словах, вскользь и не выглядят как разработанные и сформировавшиеся сюжеты. Тем не менее, представляется несомненным знакомство «Песни о Кампеадоре» с устными сказаниями о Сиде (с известной нам поэмой), а вот утверждаемое историками знакомство с «Историей Родерика» отнюдь не кажется таким очевидным. Поводом для такого утверждения становится среди прочего то, что знакомый рассказ об изгнании героя дан в обоих текстах в устойчивой форме комплекса традиционных эпических мотивов, определяющих героическую коллизию в эпосе о Сиде, а значит, представление об «Истории Родерика» как о главном источнике этой части не является единственно возможным.

Исследуя рассказы о Родриго Кампеадоре, изложенные в средневековой латинской историографии, ученые пытаются понять, какие из связанных с ним эпизодов – помимо тех, что рассказаны в дошедшей до нас поэме – заимствованы хрониками из устной традиции, а какие являются плодом сочинения ученых авторов, добавлений и интерпретации самих хронистов. Одним из самых интересных и спорных текстов оказывается латинская «Нахерская хроника» (1160-1180), созданная предположительно в монастыре Санта-Мариа-ла-Реаль-де-Нахера, первая хроника, посвященная истории Кастилии и ее правителей (2.2.2. «Следы устности в Нахерской хронике»). Анализ нескольких эпизодов с участием Родриго Диаса (битвы при Льянтаде и Гольперехере) показал, что все указанные эпизоды держатся на структуре спора, перебранки. В пользу фольклорной природы этих эпизодов говорит и сам способ обработки их в хронике – некоторое отсутствие логики и связи внутри эпизодов и, главное, заимствование фольклорного сюжета, который естественным образом влечет за собой появление целого комплекса сопутствующих мотивов. Можно предположить, что мы имеем дело с неким устным преданием о распре братьев-

королей Санчо и Альфонсо, в котором все активнее начинает действовать Родриго Диас де Бивар. В латинской хронике, занятой преимущественно династической враждой королей, битвы, в которых участие юного Родриго Диаса не отмечено, описаны автором латинской хроники вскользь и коротко, а подробно переданы как раз те битвы, где Сид выполняет некие функции по защите короля. Логично было бы предположить, что сюжеты о короле Санчо II получают дополнительный импульс к развитию именно в связи с растущей популярностью фигуры Сида и некоторым достраиванием его эпической биографии в устной традиции.

Таким образом, анализ фрагмента латинской хроники с точки зрения наличия в нем фольклорных элементов (перебранки, трюка, мотива умаления героической силы) позволяет предположить, что оба эпизода с участием Родриго Диаса в «Нахерской хронике» почерпнуты не из литературы, а именно из устного эпического сказания, складывающегося постепенно вокруг фигуры короля Санчо II и самым тесным образом, по-видимому, связанного с героической биографией Сида Кампеадора.

Романская «Родословная Родриго Диаса» (*Linaje de Rodric Diaz* или *Libro de las generaciones y linajes de los reyes*, ок. 1195³)⁴ представляет собой дополнение к «Книге королей» (*Liber regum*, 1196-1209), древнейшей истории Испании, написанной на арагонском (или наварро-арагонском) диалекте, и опирается, как принято считать, на два основных источника – латинскую биографию Сида «Историю Родерика» и сведения о Родриго Диасе, взятые из латинской «Нахерской хроники» (**раздел 2.2.3. «Родословная Родриго Диаса»: закрепление биографического канона**). Родословная Сида важна тем, что она сводит воедино все известные на момент ее создания значительные вехи биографии Сида – исторического (или псевдоисторического) и эпического характера – в краткий конспект. Более того, романский язык «Родословной»

---

³ По мнению исследователей, эта наваррская хроника была составлена в промежуток между 1194 (до смерти Санчо VI Наваррского) и 1196 (начало правления “*ynfant don Pedro rey d’Aragon*”) годами. См. подробнее: [Catalán, Jerez 2005: 79]; ср. некоторые подробности в [Catalán 2002: 124].

⁴ См. документы о генеалогии Сида [Torres Sevilla 2000-2002; Martin 1993].

помогает точнее поместить ее в контекст письменных и устных сказаний о герое. В данном тексте окончательно закрепляется биографический канон сказания о Сиде, воспринятый и разработанный предшествующей и современной латинской историографией, а также «санкционирована» оправданность сочетания устных эпических источников и историографической традиции для создания полного жизнеописания Родриго Кампеадора.

В параграфе 2.3. «Сказание о Сиде в латинских хрониках XIII в.: Лука Туйский и Родриго Толедский» опровергается традиционно повторяемое положение о непосредственном использовании латинскими хронистами XIII в. эпических *cantares de gesta*, по крайней мере в той их части, которая повествует о деяниях королей Фернандо и Санчо, осаде Саморы, убийстве короля Санчо и упоминаниях о Сиде. За исключением сюжета о клятве в Санта-Гадеа, все перечисленные события уже описывались в латинской историографии, так что их источник имел очевидно книжный характер. Более того, политические интересы хронистов – умеренные в случае с Лукой Туйским и отчетливо выраженные в хронике Родриго Толедского – побуждают их скорее отталкиваться от эпических (т.е. устно-фольклорных) трактовок различных персонажей, нежели перенимать их эпические черты. Особенно яркий пример – интерпретация образов убийцы кастильского короля Вельидо Дольфоса и его покровительницы инфанты Урраки, преобладающая в старокастильских хрониках. В латинских же хрониках от нее не остается и следа. У Луки Туйского Вельидо Дольфос назван «рыцарем большой дерзости» (характеристика, которая появляется еще в хронике Пелайо), что скорее прославляет смельчака, дерзнувшего на убийство короля, нежели осуждает его, и нет ни слова об предательском обмане короля. Родриго Толедский убирает характеристику «отважный, дерзкий», и просто сообщает, что «выйдя из города, некий рыцарь Вельидо Дольфос, недолго думая, метнул свое копьё в короля», но тоже молчит о предательстве. Оба хрониста в уже известном сюжете делают выбор в пользу книжной версии, не желая привносить в борьбу братьев-королей излишней оценочности; в конце концов, оба были королями Кастилии. События, совпадающие сюжетно с «Песнью о моем Сиде», максимально редуцированы и

никаких следов непосредственного обращения хронистов к известному нам эпосу (в устной или письменной форме) также не содержат. О Сиде упомянуто еще несколько раз: в связи со сражением с королем Педро Арагонским (о нем нет ни слова в «Песни о моем Сиде», а описание представляет собой, на наш взгляд, почти дословную кальку с хроникальных описаний битвы с графом Барселонским), взятием Валенсии и битвой с Букаром под стенами Валенсии.

Третья глава диссертации «**Сказание о Сиде в историографии Альфонсо Мудрого**» посвящена исследованию механизма прозификации «Песни о моем Сиде» в «критической версии» «Истории Испании» Альфонсо X и изучению дальнейшего развития сказания о Сиде в скриптории короля Альфонсо X Мудрого. В **параграфе 3.1.** описана проблематика исследования историй Альфонсо X как памятников кастильской прозы. Далее анализируются различные способы сюжетосложения хроникального текста, то, каким образом и в какой мере – в сюжетно-повествовательном плане – трансформируется заимствованный хроникой или историей источник (будь то целостный рассказ или отдельный мотив, книжный или фольклорный) (**параграф 3.2.** «**Техника сюжетосложения в «Истории Испании»**»). Более всего подвержена изменениям «старая», ученая материя, традиционный и устоявшийся в историографии сюжет. В качестве примера выстраивания отдельного сюжета в «Истории Испании» взята история Геркулеса. Сюжет этот интересен тем, что для обретения выделенного ему идеологического смысла он претерпевает все характерные для историографии Альфонсо X трансформации и очень ярко показывает, как складывается отдельный сюжет при помощи комбинации книжных и фольклорных источников. В качестве примера использования сказочного сюжета в «Истории Испании» взята история племянника Геркулеса – Испана; основой рассказа о дочери Испана – Либерии, строительстве Сеговии и греческих корнях испанской монархии становится сказочный сюжет о царевне и выборе жениха через испытание (решение трудной задачи). Малый сюжет в историографии Альфонсо X, начиная с «Истории Испании», обычно целиком сохраняет свою форму и легко встраивается в любое жизнеописание в том месте, где хронисты ощущают недосказанность

истории или где необходимость добавления диктуется идеологическими задачами хроники. При этом никаких примет источника такой малый сюжет не сохраняет; имена, география и топонимика легко заменяются в зависимости от повествовательных нужд. Особенно это относится к сказочным, новеллистическим сюжетам, житийным мотивам.

В параграфе 3.3. «Прозификация эпического сюжета в «Хронике двадцати королей» (versión crítica «Истории Испании»)» дан анализ прозаического переложения поэмы с точки зрения способов транспонирования ее сюжетно-повествовательной структуры, характерной для устного эпоса (данный подход абсолютно не фигурирует в тщательных исследованиях прозаических пересказов «Песни о моем Сиде»), что позволяет понять, сохраняется ли при переложении устного текста: 1) специфически эпическая система взаимосвязи сюжетобразующих мотивов; 2) типические сцены и их основные компоненты; 3) способы сцепления эпизодов, характерные для эпического повествования. Предпринятый анализ показывает устойчивость характерного для эпоса и всякого повествовательного фольклора способа сцепления эпизодов (пространственно организованный путь героя и преобладание глаголов движения, указание на временные и пространственные перемены).

Анализ хроникального переложения «Песни о моем Сиде» позволяет сделать несколько наблюдений над функционированием эпического сюжета в историографическом тексте:

1. Хроникальный пересказ достаточно близко следует тексту «Песни о моем Сиде», повторяя все основные повороты сюжета; тем самым можно с уверенностью утверждать, что речь идет о переложении известного нам текста поэмы. Главное, что сохраняется в пересказе эпической песни, это эпический конфликт и мотивно-повествовательная структура эпической песни;

2. Также сохраняется характерный для эпоса способ организации пространственных перемещений героя, который обретает тем самым жанровый характер и может помочь вычленить сюжетные заимствования из эпики в тех историографических текстах средневековья, источники которых оказываются под

сомнением. Сохранение иного, не характерного для хроники способа сцепления эпизодов, преимущественно связанного с пространственными перемещениями Сиды, позволяет не только говорить о непосредственном использовании эпической поэмы о Сиде, но и – ретроспективно – подтвердить предположение о преимущественной эпической природе «Песни о моем Сиде».

3. В значительной мере сохранены характеристики центральных персонажей, хотя эпическая оценочность, как в отношении главного героя, так и остальных персонажей, максимально редуцирована.

4. Вместе с тем можно утверждать, что почти полностью разрушена, вернее, трансформирована формульная система устного текста. Если какие-то формулы и сохраняются в хроникальном тексте, то лишь те, что носят общеязыковой характер и отмечены частотностью употребления в современном хронистам языковом узусе. На место эпических формул приходят книжные клише языка хроник, хотя они присутствуют в переложении в значительно меньшей степени, нежели в изначально книжных фрагментах текста.

5. При общем сохранении мотивной структуры памятника уходит или затемняется фольклорный генезис мелких мотивов, существенно трансформировавшихся или не развернутых в «Песни о моем Сиде» и не важных для основной сюжетной линии. В пересказе исчезают многие смысловые понятия эпического языка (например, «слава», «подвиг»), оценочные эпитеты-характеристики при именах героев.

6. Вставки и обрамление эпического сюжета носят в основном информационный характер (коротко сообщается о действиях, не упомянутых в поэме) или связующий характер, характерный для хроникального типа текста: хронологические указания в начале capitulorum и фразы-связки в конце.

7. Чрезвычайно значимым для хронистов является сохранение фрагментов прямой речи, которая, по-видимому, воспринималась как самое ценное в устном источнике, поскольку позволяла придать тексту документально-правдивый характер; в отличие от прямой речи в латинских хрониках, где она преимущественно носит риторический или орнаментальный характер, в пересказе

устной *cantar de gesta* прямая речь и диалог двигают развитие сюжета и обостряют героическую коллизию.

8. Наконец, важным следует полагать тот факт, что фольклорный текст держится особняком, его мотивная структура не разрушается, но и не впитывает в себя новые сюжетные повороты, не включает в себя новые сюжетопорождающие мотивы и мотивные комплексы.

В параграфе 3.4. «Эволюция сказания о Сиде в «критической версии» «Истории Испании»» и ее подразделах предпринят анализ полной хроникальной версии сказания о Сиде в *version crítica*, что позволяет представить способ собирания разнородного материала в исторической хронике, вычленить его отдельные составляющие, определить, что остается неизблемым (традиция), а что легко поддается трансформации и смысловой переинтерпретации (новации). «Критическая версия» «Истории Испании», представленная «Хроникой двадцати королей» Альфонсо Мудрого, фиксирует следующий этап эволюции сказания о Сиде, когда продолжает активно формироваться начало героической судьбы Родриго Диаса.

Если в XII в. все деяния Родриго Кампеадора и его посвящение в рыцарство связываются с вассальной службой королю Санчо, то теперь началом воинской биографии Сиды становится служба королю Фернандо (и отныне так и будет в устной традиции, в частности, в романсах). Главная дискуссия историков и филологов-медиевистов касается вопроса границ и объема пересказанных *cantares de gesta*. Основных концепций и позиций две: одна состоит в том, что следует говорить о двух самостоятельных «песнях о деяниях» – о предполагаемых «*Cantar del Rey Fernando*» и «*Cantar de Cancho II y cerco de Zamora*», каждая из которых имеет свой сюжет и свою историю; другая предлагает говорить о единой эпической песни о разделе королевства и осаде Саморы. Анализ событий части о смерти Фернандо I и разделе земель, проанализированной с точки зрения законов эпического сюжетосложения, позволяет сделать вывод о том, что эти события вряд ли можно считать сюжетом самостоятельной *cantar de gesta*. Основных аргументов два: если завершить песнь смертью короля Фернандо, то заявленная

героическая коллизия и конструирующие ее базовые мотивы не получают никакого эпического продолжения и разрешения; и главное – в перечисленных событиях трудно вычленяется эпический герой, каковым сам король Фернандо быть не может. Следует сказать, что его эпическая функция в более поздних эпических романах всегда будет «фоновой», и роль слабого монарха, вопреки историческим оценкам, так и закрепится за ним (как ни парадоксально, на эту интерпретацию могла повлиять основная историографическая трактовка Фернандо I как наиболее благочестивого короля Испании). Более того, важнейшей и, по сути, единственной функцией Фернандо I в романах станет улаживание конфликтов в связи с деяниями юного Родриго, будущего Сиды Кампеадора. Единственный, кто претендует на роль эпического героя в этой части сюжета, – это мятежный дон Санчо, будущий король Кастилии и сюзерен Сиды. Если же считать события с участием короля Санчо не самостоятельной песнью (в ней недостает как раз зачина), то тогда целостность картины и соответствие содержания рассказа *традиционной модели эпического сюжета* в классическом эпосе будет гораздо более полным и мотивированным. Заявленная героическая коллизия – раздел королевства и недовольство Санчо – как и положено в эпосе, полностью определяет развитие сюжета. Запрет оспаривать волю покойного короля и воевать между собой оказывается нарушен (как добавляет от себя хронист «всеми, кроме короля Альфонсо»); соответственно сути запрета сюжет строится вокруг междоусобной распри братьев-королей и стремления Санчо, как главного нарушителя запрета, последовательно захватить три части королевства. Задаваемый коллизией путь предполагает выход Санчо из Кастилии и захват чужих земель (это и есть маршруты и испытания Санчо). В конечном счете, королевство снова становится единым, но только ценой жизни самого короля Санчо (гибель героя в результате предательства) и гибели в поединках защитников Саморы (последствия), а следующим королем становится Альфонсо VI, при котором и состоится изгнание Сиды, описанное в «Песни о моем Сиде». Общность двух частей можно подтвердить не только на сюжетном и мотивном

уровне, но и взаимосвязанностью распределения системы эпических ролей в обеих ее частях.

Таким образом, в «Хронике двадцати королей» зафиксирован главный сдвиг в предании о Сиде: его юность, вопреки исторической достоверности, начинает и в эпике, и в историографии связываться с вассальной службой сразу двум королям – Фернандо I и Санчо II. В данном случае, видимо, решающую роль сыграла официальная точка зрения, отразившаяся прежде всего в историографии, – негативная оценка роли короля Санчо в междоусобных войнах наследников Фернандо I Великого. Вмешательство хронистов выразилось, прежде всего, в сглаживании негативных оценок, в отборе эпизодов канонического жизнеописания каждого монарха, в устранении следов устной исполнительской техники. При этом речь идет не о сосуществовании двух устных вариантов интерпретации героя, а о постепенном вызревании героического облика юного Сиды. Зрелый, хитроумный и умеренный герой «Песни о моем Сиде», закрепленный авторитетом устной традиции и письменной фиксации, естественным образом влияет на то, как действует «юный герой». Именно первенство в традиции устных сказаний о Сиде «взрослой» ипостаси героя создает ощущение странности и противоречивости всех эпизодов с участием Сиды, взятых из поэмы о разделе королевства. Версия сказания о Сиде в «критической версии» – это не контаминация двух фольклорных версий, а отражение процесса постепенного формирования сюжета о юности героя в устной эпической традиции.

Историография (даже при заполнении лакун, касающихся походов и службы Сиды в мавританских землях) не добавляет по сравнению с фольклорным образом героя никаких новых черт и коллизий; расширение его биографии происходит только за счет возрастающей риторизации стиля, привлечения дополнительных фактографических сведений (монастырские анналы и арабские хроники). Все, связанные с конкретным героем базовые эпические коллизии и мотивы, а также их комбинации и нерасторжимые связи, при непосредственном заимствовании из устного источника сохраняются. И хотя хроника разбивает эпическую поэму в

уюду хронологии (по большей части псевдоисторического характера), добавляет причинно-следственную мотивировку не проясненных эпосом событий, сюжетно-мотивная структура тех событий, которые изложены по эпической песни, сохраняется в полном виде. Главное, что происходит (даже при дальнейшей трансформации текста в историографии) – сохраняются и могут быть реконструированы сугубо эпические мотивные комплексы, посредством которых соединенные нерасторжимой связью эпические мотивы обеспечивают хроникальный нарратив сюжетной коллизией и сюжетной динамикой.

Историография соперничает с эпикой по поводу идеологической оценки персонажей королевской крови, но свободно менять коллизии и сюжетные перипетии эпического сюжета она не решается, а потому в трудных случаях рассказы хугларов просто изымаются из хроник. В следующей версии «Истории Испании» (расширенная версия 1289 г.) будет отредактирована прежде всего та часть прозифицированной «Песни о разделе королевства и осаде Саморы», которая касается смерти короля Фернандо и обстоятельств клятвы его сыновей и раздела королевства. И в «расширенной версии» в «Первой всеобщей хронике», и в «Хронике Кастилии», тоже вышедшей из скриптория Альфонсо X, эпический рассказ о разделе королевства исчезнет из хроник. Почему это произошло, до конца не ясно. Не затрагивая в данной работе «Хронику Кастилии», мы могли бы – в качестве предварительной гипотезы – предположить, что рассказ о разделе королевства в том виде, в каком он дан в «Хронике двадцати королей», противоречит новому витку фольклорных сказаний о юности Сида. Хронисты также могли снять пространный рассказ о разделе, предпочтя целиком версию латинских хронистов, из-за излишне «слабой» позиции короля Фернандо, того самого амплуа «слабого правителя», которое складывается применительно к нему в устной традиции и противоречит возвеличиванию это монарха в истории королей Кастилии.

В **заключении** показано, что проведенное исследование позволило, с одной стороны, сделать некоторое количество общетеоретических выводов, а с другой стороны – прийти к ряду конкретных наблюдений и выводов в том, что касается

истории генезиса, развития и бытования в устной и письменной традиции испанского эпического сказания о Сиде Кампеадоре.

Фольклорный генезис эпического сюжета может быть подтвержден не только приемами устного стиля (формулы, формульные выражения, повторы, каталоги) и устной повествовательной техники («темы» по Перри-Лорду, типические места и сцены), но и определенным способом сюжетостроения, который отчетливо демонстрируют многие эпические памятники древности и средневековья. В центре нашего особого внимания была большая жанровая форма классического героического эпоса, в романском эпосе принявшая форму «песен о деяниях» (*chanson de geste; cantar de gesta*). Героическая песнь о деяниях обычно описывает ключевые для судьбы героя события и всегда организована вокруг эпической коллизии, которая сопровождается испытаниями героя и главным деянием, приносящем ему честь и славу. Тип деяний всегда определен традицией и тем набором эпических коллизий, которые, перекликаясь друг с другом если не содержательно, то типологически, определяются мифологической или национальной спецификой. В схематическом виде *модель эпического сюжета* включает в себя ряд сюжетообразующих мотивов, которые образуют устойчивую последовательность нескольких элементов: героическая коллизия; путь к деянию; испытание/претерпевание/препятствие; героическое деяние; последствия деяния. Сюжет всякого эпического текста может быть представлен, на наш взгляд, именно этой комбинацией элементов, каждый из которых является сюжетопорождающим мотивом; тот же, в свою очередь, влечет за собой целый мотивный комплекс, приобретающий устойчивый вид в повествовательной структуре любого эпического текста в традиции. Важно учитывать, что комбинация этих элементов (или сюжетопорождающих мотивов) не произвольна всякий раз, а наоборот необычайно устойчива и последовательна. Устойчивая инвариантная модель эпического сюжета, понимаемого как содержательно-формальное единство, делает способ сюжетостроения, в конечном счете, важнейшим жанроопределяющим элементом.

Применение этой схемы к испанскому героическому эпосу «Песнь о моем Сиде» позволило уверенно утверждать, что известный нам текст возник и сложился устным традиционным способом, а не является плодом сочинения литературного автора. Анализ сюжетно-мотивной и повествовательной структуры песни о Сиде показал, что в «Песни о моем Сиде» не только отчетливо выделяется типичная для эпоса сюжетная схема, но и отчетливо видно ее удвоение («двухходовая структура»). При этом сходной в обеих частях оказывается и модификация типа сюжета («конфликт с эпическим властителем» тождественен «родовому конфликту»). Если в первой героической коллизии описаны исключительно военные победы Родриго Кампеадора и, прежде всего, взятие Валенсии (часть из них имела реальную основу, хотя и сильно измененную), то вторая коллизия (междоусобная распря) реализуется целиком при помощи вымышленных событий, которые встраиваются в характерную для эпоса сюжетную схему. Значительная часть эпизодов второго «хода» по-прежнему связана с военными событиями (битвой и поединками). И даже короткий эпизод свадьбы включает в себя сообщение о свадебных состязаниях: конном забеге (победителем оказывается Сид, загнавший трех коней) и стрельбе по мишеням, что в мировом эпосе аналогично воинским подвигам. Единственным инородным эпизодом и мотивом для эпического сюжета оказывается эпизод со львом, смирившимся при виде героя. И хотя он тоже встраивается в серию испытаний героя, но с точки зрения эпического сюжетообразования, а также с точки зрения генезиса и функции в поэме, его присутствие избыточно и нарочито.

Таким образом, сюжетосложение в «Песни о моем Сиде» соответствует *модели сюжета* героического эпоса; все события поэмы укладываются в выделенную нами 5-частную схему, каждый элемент которой основывается на базовом сюжетобразующем мотиве. Сюжетообразующие мотивы, почерпнутые из общего фольклорного фонда, соотносятся с историко-легендарным материалом и носят явный эпический характер, строя сюжет и рассказ вокруг героя, который в силу возникшей героической коллизии (конфликта с королем) оправляется во вражескую землю совершать военные подвиги, захватывая добычу для

содержания дружины. Это тип подвига в «Песни о Сиде» является основным, а его вариантом во второй части становятся поединки вассалов Сида с недругами Родриго Диаса.

Предпринятый анализ повествовательной структуры «Песни о моем Сиде» – типических сцен странствия, посольства, битвы, встречи – показал, что сами по себе типические сцены только реализуют эпический сюжет, но отнюдь не управляют сюжетосложением. Вместе с тем система типических мест и сцен в полной мере соответствует устной технике повествования, и в поэме практически нет эпизодов, которые бы не укладывались в стереотипные эпические действия и ситуации.

Соответствие испанской эпической поэмы выделенной нами модели эпического сюжета, устроенная традиционным для фольклорного эпоса сюжетно-мотивная структура и тяготение к устной повествовательной технике позволили взглянуть на все остальные тексты, имеющие отношение к преданию о Сиде Кампеадоре, сквозь призму эпических констант, тем самым уточняя источники тех или иных историографических и литературных текстов и восстанавливая эволюцию сложения обширного сказания об испанском герое.

Коротко эволюция такова:

1. К середине XII века уже несомненно существует устная песнь о Родриго Кампеадоре (Прото-Сид), в которой центральной героической коллизией является ссора короля Альфонсо и Сида, а сам образ Сида, видимо, был в гораздо большей степени наделен мятежными чертами. Военские успехи сталкивают героя с представителями испанской знати (традиционный для испанской эпики мотив междоусобных распрей); именно следствием зависти придворных и короля к славе героя и его благополучию инициированы все «изгнания» Сида. Свидетельством этому является эпический след в латинской биографии героя «История Родерика», где о знакомстве с устным сказанием о Сиде свидетельствует характер и способ описания коллизии, сохранение части эпических мотивных комплексов, способа представления героев, а также сохранение части повествовательных принципов, характерных для эпики. Трудно

согласится с А. Монтанером в его утверждении о влиянии «Истории Родерика» на «Песнь о моем Сиде». Правильнее следовало бы говорить об общем круге источников – вокруг монастыря Сан-Педро-де-Карденьо, где знали устные песни и писали официальную историю; очевидно, что сам факт написания «Истории Родерика» был инспирирован существующей устной традицией эпических повествований о Сиде. Автор «Истории Родерика», несомненно, был знаком с предшественником «Песни о моем Сиде», а та, в свою очередь, с традицией «устных» или письменных сказаний о жизни Сиды легендарного свойства. Кажется, обоснованной и несколько более ранняя датировка латинской биографии (примерно 1144 г.) От устной песни о деяниях Сиды отталкивается и латинский панегирик «Песнь о Кампеадоре».

2. «Песнь о моем Сиде» оказалась записана ближе к рубежу XII-XIII вв., и с этого момента начинается ее параллельная устная и письменная история. Сам факт записи текста, по-видимому, означал особую актуальность фигуры Сиды в идейно-политической ситуации Леон-Кастильского королевства, а его особая роль в завоевании Валенсии мотивировала востребованность его фигуры на новом этапе Реконквисты. Идеологической трансформации подверглось и само устное сказание о герое, а сам Сид, одновременно вобравший черты двух эпических амплуа – воина и властителя – приобрел знакомый нам облик. Хуглар, сложивший известный нам текст, по-видимому, постарался согласовать устное сказание о Сиде с его растущей идеологической ролью. В результате ушла «мятежность», которая в виде эпизода с умалением героических сил еще присутствует в «Нахерской хронике». Вместе с тем этот эпизод, сохранивший в пересказе все основные приметы фольклорного трюка, свидетельствует о постепенном приращении сказания о Сиде историей деяний его юности, которые в XII веке связаны исключительно со службой кастильскому королю Санчо II, брата и предшественнику Альфонса VI. Появляются рассказы о битвах при Льянтаде и Гольпехере; об осаде Саморы и предательстве Вельида Дольфоса. Все эпизоды так или иначе связаны с участием Родриго Диаса. Можно предположить, что именно его фигура вдохновила развитие этих сюжетов. Более того, на этом этапе

нет возможности утверждать, что эпические рассказы о короле Санчо и его гибели под стенами Саморы стали предметом повествования в обширной *cantar de gesta*. Возможно, речь идет о каких-то протороманских формах. Так или иначе, проанализированный нами эпизод в «Нахерской хронике» имеет очевидную фольклорную природу, а потому позволяет говорить об устном романском источнике.

3. Латинские хроники XIII в. (Лука Туйский и Родриго Толедский) свидетельствуют о возрастающей идеологической нагрузке образа Сиды, хотя сами его деяния не являются предметом специального описания в обеих историях. Важно лишь, что мы видим некоторое смещение начала деяний Сиды от эпохи короля Санчо II ко времени царствования его отца, Фернандо I. Происходит ли это преимущественно в зоне историографии или отражает и фольклорный сдвиг, сказать сложно. Хотя, зная о большой подвижности границ устного и письменного, можно предположить, что культ Фернандо I как объединителя испанских земель, проникший в хронику Луки Туйского явно из книжных и монастырских источников, естественным образом должен был вдохновить и устную эпическую традицию.

4. «Хроника двадцати королей», представляющая собой «критическую версию 1283 г.» «Истории Испании» Альфонсо X (как и следующая за ней «расширенная версия 1289 г.», сохранившаяся в составе изданной Р. Менендесом Пидалем «Первой всеобщей хроники») знаменует собой окончание полуторавекового этапа сложения сказания об испанском эпическом герое. Прозификации эпических сюжетов в скриптории Альфонсо Мудрого не подвергают сомнению существование фольклорной традиции эпических *cantares de gesta*, однако методы их реконструкции, границы и объем песен остаются предметом постоянного обсуждения. Наиболее спорной оказывается проблема идентификации источников рассказа о разделе Испании королем Фернандо I и распре братьев-королей, последовавшей за ним. Анализ способа прозификации «Песни о моем Сиде» в «Хронике двадцати королей», где неизменной осталась прежде всего мотивная структура, устойчивые мотивные комплексы, характерный

для эпоса способ связи эпизодов, а также героические роли главных персонажей, помог осуществить реконструкцию сюжета эпического сказания о разделе и распре и настаивать на том, что источником прозификации были не две, а одна поэма. Условное название, данное ей Д. Каталаном, «Песнь о разделе и осаде Саморы» описывает тем самым не только два важнейших события песни, но и ее сюжетные границы.

Исследованная эволюция сказания о Сиде в фольклорных (частью реконструированных) и книжных источниках убеждает в том, что при всем разбухании рассказа за счет добавления деталей и подробностей сугубо историографического свойства при пересказе уже известных каждому следующему хронисту событий (вставки из арабских хроник взятия Валенсии, «Истории Родерика» и «Истории Карденьи»); при некоторой идеологической коррекции и жанровой модификации рассказа в целом (влияние примера и рыцарских рассказов), основную канву «героической биографии» исконно эпического героя задает устная традиция, что отчетливо показывает смещение эпохи «юношеских деяний» с правления Санчо II на правление Фернандо I. Чрезвычайно показательны в этом смысле «швы» устной эпики и историографических рассказов, которые мы показали на примере «Хроники двадцати королей». Следует отметить и некоторое противоречие мятежных тенденций поведения юного Сиды с уже устоявшимся в традиции обликом взвешенного и разумного героя.

Следующий этап эволюции героя начнется совсем скоро, в начале XIV века, и будет связан с окончательным оформлением сюжетов о юном Родриго, однако жанровая система, в рамках которой он должен исследоваться, уже не будет ограничена героическим эпосом и историографией. Возможно, речь пойдет о процессе так называемой “вторичной эпизации” (В.М.Жирмунский) или “вторичной фольклоризации” (С.Ю.Неклюдов), когда закрепленный в письменной форме сюжет (а соответственно, и герой) снова попадет в фольклорную среду и продолжит свое развитие - как произойдет и с Сидом в романской традиции. По мере удаления от эпохи, эпическая романская

«биография» героя будет достраиваться как раз за счет усиления эпических мотивов, а соответственно Сид приобретет и необходимые герою воину молодость, дерзость и неумеренность в стремлении завоевать славу и отстоять свою честь. Рассматривать дальнейшую судьбу образа Сида Кампеадора следует, несомненно, сквозь призму жанровых особенности испанского народного романса, жанра и поныне продолжающего свое бытование в фольклорной среде. Испанский эпико-легендарный романс представляет собой, по мнению исследователей, не стадильно более позднюю форму эпического повествования по сравнению с классическим эпосом, но иную жанровую разновидность эпической традиции, генетически связанную с героическим эпосом. Соотношение большой и малой формы эпической песни (*cantar de gesta* и *romance*) поможет точнее интерпретировать хроникальные рассказы о Сиде XIV в. («Хроника Кастилии», «Хроника 1344 г.») и понять, насколько прочно связаны они с устной традицией песен о деяниях, как связаны устная и письменная традиция в XIV в. В контексте взаимодействия эпики и романса следует также изучать анонимный памятник 1400 г. без названия, условно называемый «Юношеские подвиги Родриго». Предложенный способ реконструкции эпического сюжета в хроникальном тексте, а также сопоставление принципов эпического сюжетостроения в героического эпосе и эпико-легендарных романсах поможет точнее представить процесс дальнейшей эволюции сказания о моем Сиде.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях, изданных в журналах, рекомендованных ВАК:

1. Эпические теории XX века и «традиционализм» Р. Менендеса Пидалья // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». № 2, 2010. С. 311-322.
2. Понятие «трех стилей» в испанской теоретической мысли XV века // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки». № 10, 2010. С. 279-291.
3. Эпико-героический взгляд на древнерусский памятник // Вопросы литературы. № 2, 2010. С. 356-366.

4. Русские переводы испанского «старого» романа: разрушение жанра // Вопросы литературы. № 3, 2014. С. 148-161.
5. Судьба одной эпической формулы и проблема типологии средневекового эпоса // Новый филологический вестник. № 4 (35), 2015. С. 127-135.
6. Черви как бесчувствие в «загробных видениях» Средневековья // Вестник УдГУ. История и филология. № 3, 2016. С. 57-62.
7. Как живет и движется эпический герой? Рецензия на книгу: Неклюдов С.Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015. 216 с. // Новый филологический вестник. № 4 (39), 2016. С. 186-190.
8. «Пришпорили коней, отпустили поводья»: путь героя в испанской средневековой эпике и историографии // Вопросы филологии. № 4 (56), 2016. С. 74-79.
9. «О трех Геркулесах, существовавших в этом мире»: античный герой в средневековых испанских хрониках // Диалог со временем. № 59, 2017. С. 231-245.
10. К толкованию эпического мотива (постановка проблемы) // Новый филологический вестник. №2(41), 2017. С. 17-20.
11. Рецензия на книгу: И. К. Стаф. Цветы риторики и прекрасные литеры. Французская литература позднего Средневековья и раннего Возрождения // Вопросы литературы, №5, 2017. С. 392-393.
12. «Si oviesse buen señor!»: «идеальный властитель» в хрониках и эпосе испанского Средневековья // Вестник КГУ, Серия «Литература. Литературоведение. Устное народное творчество». Т. 23, № 4, 2017. С. 64-69.
13. Средневековый риторический топос «hombre de armas y letras» и его трансформация в прозе Сервантеса // Вестник УдГУ. Серия «История и филология. № 3, 2017. С. 418-423.
14. «Песнь о моем Сиде» и особенности эпического сюжетостроения // Филологические науки. № 5, 2017. С. 63-73.
15. «История Испании» Альфонса X Мудрого и начало формирования испанской прозы (к постановке проблемы) // Вестник РГГУ. № 2 (27). Серия

«История. Филология. Культурология. Востоковедение». М., 2018. С. 146-157.

16. Деяния Сида Кампеадора в испанской историографии: следы «устности» в латинской хронике XII в. // Новый филологический вестник. №1(44), 2018. С. 236-245.

Среди других статей, посвященных развитой в работе проблематике и напечатанных в отечественных и зарубежных изданиях:

17. Песнь о Сиде // Энциклопедия литературных героев. Средние века. М.: Олимп, 1998. С. 309-323.

18. Романсеро // Энциклопедия литературных героев. Средние века. М.: Олимп, 1998. С. 363-383.

19. "Песнь о моем Сиде": трансформация эпического героя в контексте средневековой культуры // Мировое древо, № 8, 2001. С. 96-112.

20. Героическая поэзия пятьдесят лет спустя. (совм. с Н.П.Гринцером) // С.Боура. Героическая поэзия. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. I-XVI. (совместно с Н.П.Гринцером)

21. "Перевод древних" в художественной практике и теоретической мысли Испании XVI в. (на примере испанских переложений "Искусства поэзии" Горация) // Перевод и подражание в культуре Средних веков и Возрождения. М.: Наука, 2003. С. 269-311.

22. "Echados somos de tierra": историческое и эпическое в зачине "Песни о моем Сиде" // Кентавр / Centaurus. Studia classica et medievalia. №1. М.: РГГУ, 2004. С. 110-124.

23. Эпическая концепция Р. Менендеса Пидалья в контексте «устных» теорий эпоса XX века // IBERICA. К 400-летию романа Сервантеса «Дон Кихот». СПб: Наука, 2005. С. 176-186.

24. «Песнь о Сиде» // Исторический лексикон. V-XIII вв. Ч.2. М.: Академкнига/Учебник, 2006. С.504-508.

25. "Философия оружия" как трансформация одной культурной идеи. Карранса и Сервантес // Новый филологический вестник. № 2(29), 2014. С. 44-52.

26. Песнь о моем Сиде // Большая Российская энциклопедия. Т. 26. М.: Большая Российская энциклопедия, 2014. С. 40-41.

27. "Песнь о Роланде" // Большая Российская энциклопедия, Т. 26. М.: "Большая Российская энциклопедия", 2014. С. 41.

28. Из «Истории Испании» («Первой всеобщей хроники», 1272). О деяниях Геркулеса. //Valla. Интегрированный историко-филологический журнал европейских исследований. № 5 (1), 2015. С. 85-93.
<http://vallajournal.com/journal/index.php/valla/article/view/14>

29. Величие мысли и дела: концепция культуры Альфонсо X Мудрого. Рецензия на книгу Márques de Villanueva Fr. El concepto cultural alfonsí // Исторический вестник. Т. 12 [159]. Альфонсо X: Политика и право. М.: Руниверс, 2015. С. 432-441.

30. «Песнь о Роланде» и история изучения средневековых «песен о деяниях» // ШАГИ / STEPS. Журнал Школы актуальных гуманитарных исследований. № 2, 2015. С. 54-85.

31. Бестиарная символика в «загробных видениях» средневековья // Бестиарий и чувства (RES et VERBA-5). М.: Intrada, 2016. С. 232-240.

32. Романский эпос: между эпикой и историей. // Памятники книжного эпоса Запада и Востока. М.: Инфра-М, 2018. С. 337-383.